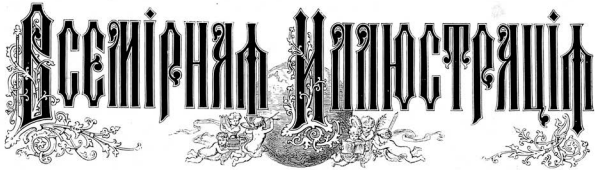

Всемирная Иллюстрация

A decorative horizontal banner featuring the title 'Всемирная Иллюстрация' in a stylized, blackletter-style font. The text is centered and flanked by ornate floral and scrollwork designs. Below the text, a central illustration depicts a globe resting on a bed of clouds, with two cherubs (putti) standing on either side, holding up the globe. The entire composition is framed by elaborate, symmetrical floral and scrollwork patterns.

№ 1055. Годъ XXI.]

8-го апрѣля 1889 г.

[Томъ XXI. № 15.

Щедринъ закончилъ свою „Пошехонскую старину“, т. е. собственно первую часть записокъ Никандра Затрапезнаго, обнимающую его дѣтство. Особенно интересна глава, въ которой даровитый сатирикъ рисуетъ типъ идеалиста стараго времени въ лицѣ Валентина Бурмакина. Подобно всѣмъ представителямъ идеализма сороковыхъ годовъ, совершенно оторванный отъ жизни, поклонникъ искусства, красоты, женственности, Бурмакинъ влюбленъ въ крайне неразумную убогую барышню, которая, по его мнѣнію, была сама „святая простота“, требующая сдѣланнаго поклоненія и составлявшая одну изъ заветныхъ формулъ того времени. Женившись, Бурмакинъ прозрѣлъ, увидѣвъ, что его воображаемая святая, его идеальная красавица, на которую онъ молится, оказалась пошлой бабенкой съ самыми низменными инстинктами. Она, эта „святая простота“, довольно просто наставила ему рога, и Валентинъ Бурмакинъ долженъ былъ убраться отъ нея. Последняя глава „Славуцкихъ дамъ“ вышла менѣе яркою. Впрочемъ, и самъ авторъ говоритъ, что послѣднія главы написаны имъ слабо и небрежно. Масса образовъ и фактовъ подбѣтовали на него настолько подавляющимъ образомъ, что явился невольное утомленіе. Тѣмъ не менѣе, „Пошехонская старина“ — одно изъ лучшихъ, одно изъ самыхъ выдающихся произведеній Щедрина послѣдняго періода его дѣятельности. Полное объективизма, жизненной правды, захватывающее художественное, оно такъ не похоже на многія щедринскія лепки, представляющія лишь одинъ феерическій порожденіи мнута, которые въ потомствѣ жить не суждено.

Мы оставили очаровательную Анну, героиню романа „Миражи“, въ тотъ моментъ, когда она всецѣло отдалась своей благородной мысли примирить съ жизнью и людямъ мрачнаго Строева. Съ тѣхъ поръ она (въ февральской и мартовской книжкахъ) сдѣлала довольно быстрые шаги впередъ. Она, повидимому, должна радоваться, а между тѣмъ она тревожится; у нея на душѣ такъ тоскливо, — такъ странно. Она видитъ, что не влаетъ ему, не силой сострадантельнаго порыва она дѣлаетъ такіе успѣхи, а благодаря власти женскаго очарованія. Ей позтому и странно. Она не желаетъ, чтобы Строевъ влюбился въ нее, какъ влюбился въ нее раньше разная лиза, въ томъ числѣ докторъ Забогитинъ и молодой художникъ Ожогинъ, которые, и въ особенности первый, порядкомъ ревнуютъ ее къ Строеву. Докторъ Забогитинъ, милохотѣе сказать, пошлый порядочный, не смотря на любовь свою къ Аннѣ, не упускаетъ случая приударить и за эффектной Маней, женою брата Анны, тѣфка Мителъ. Зато Ожогинъ вѣрнее своей гонимъ, и когда отъ Мани высунуется, тоникъ намеки на толстая обстоятельность, по поводу сближенія Анны съ Строевымъ, онъ, т. е. этотъ молодой художникъ, мучится угрызениями совѣсти, что онъ шпіонитъ, выспрашиваетъ у Мани про Анну, выспрашивалъ злую лозь о ней и такимъ образомъ продалъ „свою Анну“. Все это и прочее рассказывается въ новыхъ главахъ романа г-жи Панширъ, рассказывается обстоятельно, пространно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ расстановкой. Понадобятся и тутъ живыя, интересныя страницы, но рядомъ съ ними — и утомительная скучина. Авторъ пускается въ резонерство, отводитъ черепушку много мѣста отвлеченнымъ разсужденіямъ, изъ всѣхъ силъ заботится, чтобы ее герои говорили другъ другу самыя умныя рѣчи, какъ можно больше философствовали. Словомъ, г-жа Панширъ болѣе усердствуетъ... Trop de zèle, madame, trop de zèle!

Во второй и третьей книжкахъ „Сѣвернаго Вѣстника“ немного находимъ такихъ вещей, на которыхъ можно было бы остановиться. Оканчаніе статьи „Сѣбра и сибирское земледѣніе въ Малороссіи“ профессора Луничина не представляетъ особаго интереса для большинства публики. Еще менѣе интересны первая глава статьи анонима автора „Крисисъ философіи классическаго идеализма въ Германіи“. Обѣ статьи эти, посье четыре странички, посвященныя вопросу о ремесленномъ производствѣ, и составляютъ все богатство серьезнаго отъѣзда двухъ книжекъ „Сѣвернаго Вѣстника“. Какъ видите, богатство далеко незавидное. Въ беллетристическомъ отъѣздѣ преобладаетъ „ностроацціна“, продолжаетъ умный, серьезный, но нѣсколько монотонный романъ А. К. Шеллера, начинается повѣсть г. Боборыкина „Изъжитъ“. Мы воздержимся пока отъ сужденія объ этихъ двухъ произведеніяхъ, обождемъ терпѣливо ихъ окончанія и остановимся на драмѣ Антоны Чехова „Ивановъ“, украшающей собою мартовскую книжку „Сѣв. Вѣстн.“ Какъ и подобаетъ большому таланту, Чеховъ создалъ вещь весьма оригинальную, свѣжую, полную простоты и прелести. Со времени Островскаго у насъ еще не было такой истинно художественной, совершенно новой по мысли пьесы. Сюжетъ ее незамысловатъ. Ивановъ — это будничная исторія съ будничными героями, которая, будучи настоящей жизненной драмой, производитъ глубокое впечатлѣніе. Николай Алексѣевичъ Ивановъ, непримѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, живетъ со своей женой, Анной Петровной, еврейкой по рожденію, въ одномъ изъ убогихъ

средней полосы Россіи. Доктора приговорили его жену къ смерти; мнѣніе расстроено, требуетъ постоинныхъ расходовъ крупныя; посредственныя, заурядныя людскія, живущіе ничтожными интересами и „сердцемъ хладные скопища“. Больная жена, дождавшаяся Иванова своей любовью и ревностью, пошлая проза жизни, — все это, конечно, дѣлаетъ на него удручающіе образцы. Но все это пустяки въ сравненіи съ тѣми душевными муками, которая онъ чувствуетъ отъ сознанія пустоты своей жизни, похожей на прозвѣніе, отъ полного разлада съ самимъ собой. И онъ, когда вѣрны, былъ исполненъ надеждъ, бралъ жизнь, какъ она есть. И вотъ въ 35 лѣтъ жаръ въ немъ погасъ; Ивановъ почувствовалъ утомленіе, онъ усталъ тѣломъ и душой и, надломленный, „безъ вѣры, безъ любви, безъ дѣла, раздавленный своими ничтожными подвигами“, онъ движется среди чуждыхъ ему людей, какъ тѣнь, не зная, кто онъ, зачѣмъ живетъ, чего хочетъ. Ни смерти, ни любви въ немъ молодой, прекрасной дѣвушки, полной жизни, — ничто, ничто не въ состояніи сложить въ Ивановѣ отраженія къ жизни. Онъ дѣбствуетъ, какъ автоматъ, носъ въ сердце одно лишь сознаніе, что онъ погибъ. Въ концѣ концовъ, онъ при всѣхъ застрѣлится. Въ тотъ часъ, когда ему надо хватъ подъ вѣнецъ. На разладѣ Иванова съ самимъ собою, на его душевныхъ страданіяхъ и построена эта драма. Передъ нами живая, обчеленная въ плоть и кровь человѣкъ, передъ нами сама жизнь съ ея срыми булями, съ ея марюнетками, играющими роль „вездѣшнихъ“ людей, по калитку рока. Ничего въ этой пьесѣ нѣтъ чуждаго, все дышитъ правдой, всѣ лица, всѣ ихъ поступки удивительно естественны. Съ напряженными вниманіемъ слѣдись за ходомъ этой дѣйствительной драмы, которая наводитъ на тысячи мыслей и заставляетъ успешно биться сердце. Такова сила истиннаго таланта... За одно помянемъ пьесы Чехова „Сѣверн. Вѣстн.“ можно простить всю его безцѣльность, всю ту отчаянную скучину, которую онъ нагоняетъ на своихъ злоупотребляющихъ читателей, весь макулатурный хламъ этой „меланхолической мандолины“.

О стихотворномъ отъѣздѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ говорить не приходится: до сихъ поръ, за всю четверть года, журналъ не далъ еще ни одного стихотворенія, которое могло бы доставить читателю истинно эстетическое удовольствіе, и г-жа О. Ч. (?) мина является въ этомъ изданіи крупнейшимъ поэтическимъ слогомъ. „Неизданныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова“ (изъ 20-й тетради Лермонтовскаго музея), отпечатано пока въ журналѣ 54; къ нимъ, какъ нельзя лучше прижились слова И. А. Гончарова, уже приведенныя въ началѣ нашей вѣсточки.

Февральская книжка „Наблюдателя“ открывается прекрасно написаннымъ очеркомъ Непривычна-Данченко „Виченца и Мантуя“, представляющимъ отрывокъ изъ воспоминаній обѣ Итали. Намъ неумолимо беллетристическія-странички со свойствами ума живостью, колоритностью и наблюдательностью дѣлаетъ набросокъ этой любовной истории, знакомя насъ и съ ея наружностию, съ ея сооружениями, съ ее характеромъ, словомъ, со всѣмъ понемногу. Очень интересно у него описаніе Виченцы, городка по величинѣ напоминающаго намъ Мценскъ или Шадринскъ, а между тѣмъ изобилующаго и монументами, и дворцами, и хранилищами невозможныхъ художественныхъ сокровищъ. Еще интереснѣе вышла у него картина пивничей Мантуй, такъ непохожей на старую, полную славными легендами и теперь, по словамъ автора, запыряющей. Мантуя среднихъ вѣковъ покровительствовала артистамъ и ученымъ, Мантуя пивничья — дышетъ военнымъ ремесломъ и обращена въ укрѣпленный лагерь. Тѣмъ не менѣе, въ ней сохранилось достаточно остатковъ „артистическаго прошлаго Медичеви“ и герцоговъ Гонзаговъ, остатковъ, которыми можно любоваться и восхищаться. Изъ серьезныхъ статей въ этой книжкѣ „Наблюдателя“ особенное вниманіе обращаетъ на себя кузурно-историческій очеркъ А. С. Трагачева „Историческія основы воспитанія“. Педагогическое дѣло, это — самый глупый вопросъ въ настоящее время, и потому-то отычливый авторъ очерка весьма уместно пытается привлечь вниманіе родителей, воспитателей и мыслящей публики къ исторіи педагоговъ, гдѣ найдется немало поучительнаго и весьма полезнаго. Цѣль автора весьма благая, а именно — „привести къ сознанію, что современный идеалъ воспитанія есть ничто иное, какъ упорядоченіе и развитіе думъ умственныхъ вождей челоуѣчества и осуществленіе лучшихъ движеній ихъ сердца“. Свою задачу авторъ выполнилъ вполнѣ удовлетворительно, и каждый сколько нибудь образованный челоуѣкъ прочтетъ его очеркъ съ живымъ интересомъ. Беллетристическій отъѣздъ „Наблюдателя“, по обыкновенію, содержательнѣе, разнообразнѣе и даетъ много материала. Между прочимъ, напечатана прелестная поэтическая вѣщца Уйла „Дождливыя дни“, продолжаетъ интересный романъ Лисинскаго „Свѣтъ погасъ“. Изъ новыхъ главъ его мы узнаемъ, что Елизавета Кирилловна очень ловко обманываетъ Багрянова, который, повидимому, ничего не подозреваетъ. Все болѣе и болѣе обрисовываются типы супруговъ Багряновыхъ.

Читатель невольно проникается большой симпатіей къ мужу, этому дѣтски добручному, умяному, душевному челоуѣку съ возвышенными стремленіями, пишущему правду, поклоняющемуся всему прекрасному. Зато Елизавета Кирилловна, не смотря на удивительную красоту, дѣлается съ каждымъ шагомъ своимъ все непріятнѣе; это особа — толкая-пре-толкая, и оттого-то г. Лисинскій рисуетъ ее не грубыми мазками, не кладетъ густыхъ красокъ. Трудно оторваться отъ нѣкоторыхъ страницъ романа, такъ онъ увлекателенъ, столько въ нихъ живости, правды и неуловимой прелести. Прочтите внимательно описаніе, напримеръ, затѣянаго и оупущенія, испытываемыхъ во время этого явленія Багряновымъ, — и вы, невольно, убѣдитесь, какое мастерское перо у г-на Лисинскаго...

— К —

Сербскій министръ К. Таушановичъ

Сербскій министръ внутреннихъ дѣлъ Коста Таушановичъ, которому регентство первоначально предложило составить радикальное министерство, сформированное въослѣдствіи Груичемъ, воспитався въ земледѣльческихъ училищѣ и по выходѣ изъ него посвятилъ себя коммерческой дѣятельности. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ торговалъ исключительно однимъ табаконъ, но, получивъ солидное, хотя и одностороннее образованіе, убѣдился, что достигъ чтенія политико-экономическихъ книгъ и либи занимать самъ постепенно наизвѣстными въ Сербіи экономическими вопросами. Въ 1879 г. Таушановичъ примкнулъ къ политическому кружку тогдашняго вождя „напредѣльной партіи“ Пирочича, органомъ котораго была серьезная газета „Videlo“, по въослѣдствіи, со вступленіемъ во власть, поврала связь съ его приверженцами-напредѣльниками и перешелъ въ лагерь радикальной оппозиціи. Въ первое время, Таушановичъ не игралъ въ средѣ сербскихъ радикаловъ никакой выдающейся роли и, наравнѣ съ прочими своими политическими единомышленниками, существовала передъ высокими дарованіями, политическою выдержкою и ораторскимъ талантомъ тогдашняго руководителя радикальной фракціи сербскихъ націоналистовъ, Петра Теодоровича. Въ 1883 г., по подавленіи возстанія, вызваннаго происками сербскихъ радикаловъ, Таушановичъ, въ качествѣ члена центрального комитета радикальной партіи, былъ закованъ въ кандалы, вмѣстѣ съ остальными соучастниками революціоннаго движенія, и отнесенъ въ Зайчаръ, гдѣ былъ преданъ верховно-уголовному суду, который, обвинивъ его въ государственной мѣвѣ и въ посягательствѣ на верховную власть короля, приговорилъ его къ смертной казни. Короли Миланъ замянулъ ему жестокой приговоръ верховнаго суда бесцереминнымъ заключеніемъ въ бѣгладскую цитадель. Въ 1886 г. Таушановичъ былъ помилованъ; тѣмъ не менѣе, получивъ свободу, онъ тотчасъ же возвратился въ лагерь радикальной оппозиціи, къ политическимъ убѣжденіямъ которой онъ тѣсно сроднился, тогда какъ жившій въострой и вдохновенной этой партіи, Петра Теодоровичъ, къ изумленію своихъ сторонниковъ, перешелъ къ напредѣльникамъ. Въ томъ же 1886 г., по настоянію Таушановича, состоялось новое сближеніе между радикалами и либералами, окончившееся, однако, въ прошломъ году вторичнымъ распадениемъ оппозиціонной коалиціи. Не смотря на глубокую привязанность къ идеямъ своихъ политическихъ единовѣрцевъ, Таушановичъ питалъ неподдѣльные симпатіи къ Ристичу, папекція на него нерасположеніе радикаловъ, заподозрившихъ его въ двуличной роли. Въ средѣ радикальной оппозиціи, расхожденной съ націоналистами отъѣнка Ристича по многимъ пунктамъ общеполитической программы, Таушановичъ разигрывалъ второстепенную роль и, только въ періодъ управленія Сербію радикальнымъ министерствомъ Груича, выступилъ изъ среды своихъ единомышленниковъ и сдѣлался ихъ политическимъ вождемъ. Въослѣдствіи онъ выдвинулся въ глазахъ сербскихъ націоналистовъ въ качествѣ президента созванной для утвержденія новой конституціи великой сербской скупщины, и тогда же обратилъ на себя вниманіе нынѣшнихъ членовъ регента, и въ особенности Ристича. По складу своихъ мнѣній Таушановичъ принадлежитъ къ умереннымъ радикаламъ, находящимся теперь въ власти, и столько же дѣйствителенъ на свои испитанныя годами убѣжденія, сколько преслѣдуется ненавидящими его радикалами крайняго отъѣнка Ташича и Катича, считающихъ его своимъ врагомъ. Таушановичъ, сравнительно, молодой челоуѣкъ, — ему только сорокъ лѣтъ, — но здоровье его слабо, такъ какъ въ концѣ расстроилось послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, вынесенной имъ во время заключенія въ бѣгладскую цитадель.